

*Всем, кто задается вопросом,
следовать ли им за своей мечтой*

*Моей маме, которая первая побудила меня
следовать за моей мечтой*

*И Майклу, который никогда
не позволял мне сдаться*

1

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Бабушка Джульетта Рамирес всегда говорила: не доверяй ни сковородкам с тонким дном, ни семье Молина.

Я смотрю, как сгущающаяся тьма окутывает пекарню моей семьи. В этот странный, неопределенный час перед тем, как уличные фонари озарят холмы Олинды¹, наша вывеска «Соль», написанная рукой прабабушки Элизы, растворяется в сумерках.

Я не могу заставить себя зайти внутрь. Пока не могу. В пекарне тихо, как будто ее убаюкал сильный бриз, дующий с океана. И поэтому я выжидаю еще минутку. И еще одну. Я жду момента, когда «Соль» внезапно — я не знаю — зевнет, что ли.

— Просыпайся, — шепчу я себе под нос.

Но «Соль» не вздрогнет и не проснется только потому, что я на нее смотрю. «Соль» угасает, в то время как пекарня семьи Молина сияет на ее фоне. Они называют ее «Сахаром», но пусть вас не вводит в заблуждение название.

---

¹ Олинда — небольшой город на побережье Атлантического океана, входит в штат Пернамбуку, Бразилия. Основан в XVI веке португальцами, считается одним из первых поселений колонизаторов Бразилии.

Это своего рода ядовитая сладость, которая ощущается в некоторых отравках.

Когда все соседи в знак траура закрыли свои магазины, Молина держали двери «Сахара» широко открытыми, как оскорбление. От радостного мерцания огней на их фасаде у меня скручивает желудок.

Не то чтобы я ожидала, что сеу¹ Ромарио Молина, который всю свою жизнь был бабушкиным врагом, пошлет на кладбище хотя бы увядший венок, но *как они смеют* так эффектно выглядеть сегодняшним вечером? Мне хочется перейти улицу и наорать на них, но меня останавливают осветившие улицу фары принадлежащей «Соли» фускиньи². Мама возвращается домой, и она, должно быть, беспокоится обо мне. Я сбежала с кладбища, не предупредив ее.

Мама выходит из солнечно-желтой машины того же цвета, что и фасад «Соли», но вместо того чтобы воспользоваться боковой дверью, ведущей в нашу квартиру, спешит прямо ко входу в пекарню, не замечая меня.

Когда месяц назад бабушку положили в больницу, маме пришлось закрыть двери, так что «Соль» как будто ждала, что бабушка вернется домой. Но как мы можем снова открыться без нее? Без бабушки нет «Соли».

Мама не решается отпереть дверь.

Поднимается ветер, треплет ее волосы и обрушивает косую морось. Разноцветные, как радуга, трепещущие флаги, которые мои соседи уже приготовили к празднику Дня

¹ Сеу (*португ. seu*) – принятое в Бразилии уважительное обращение к мужчинам из среднего сословия: торговцам, владельцам семейных магазинов.

² Фускинья – имеется в виду распространенный в Бразилии автомобиль «Фольксваген»-«жук» («Фольксваген Фуска»).

святого Иоанна¹ через два месяца, щелкают на веревках над нашими головами.

Пока мама не посмотрела на меня, я и не осознавала, что сделала неуверенный шаг вперед. И я вижу в ее глазах боль.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но не знаю, что сказать. Не говоря ни слова, мама поворачивает ключ и входит в «Соль», сразу же находит свой фартук, просто протянув руку в полумрак, скрывающий колышки на стене. Мышечная память. Только тогда мама включает свет. И пекарня просыпается.

Я тоже делаю свой первый шаг в «Соли». Мой первый шаг в пекарне без бабушки.

И видеть все то, что уже успело измениться без бабушкиной заботы, *больно*. Все кажется таким скучным. Деревянные поверхности не покрыты блестящим маслом перобы², которое любила использовать бабушка и которое придавало выпечке тонкий древесный аромат. Тишина, не нарушаемая бабушкиной болтовней с соседями, давит. Даже все ингредиенты для бабушкиного волшебства исчезли: стеклянные банки, которые должны быть наполнены различными продуктами — тапиокой, пшеницей, кукурузой, рисом, — стоят пустые. Как и витрина под главным прилавком.

Мое сердце делает болезненный кульбит, но я сдерживаю слезы.

---

¹ День святого Иоанна — Феста Жунина (Июньский фестиваль) или Феста де Сан-Жуао (праздник Святого Иоанна) — латиноамериканский аналог праздника Ивана Купалы, знаменующий наступление зимы в Бразилии. Торжества в честь Иоанна Крестителя проходят по всей стране, начиная со Дня святого Антония (13 июня) и до Дня святого Петра (29 июня).

² Масло перобы — известная марка масла для деревянной мебели, чтобы сделать ее более блестящей и красивой.

Не хочу, чтобы мама видела.

Она подходит и встает перед рецептом боло де фуба¹ прабабушки Элизы, как будто откликается на призыв. Мы храним листок бумаги с ингредиентами и инструкциями сложенным и защищенным в стеклянной коробке на стене, как будто это бьющееся сердце самой «Соли».

Мне кажется, что мои ноги тяжелее, чем обычно, но я подхожу и встаю рядом с мамой.

Я не знаю, что сказать или сделать, чтобы утешить ее.

Она закрывает глаза. Молится? Я тоже закрываю глаза и мысленным взором пытаюсь оживить «Соль».

Я представляю, как снаружи покупатели прижимаются лицами к витрине, чтобы посмотреть на киби², паштеты и болиньос³ с треской. Слушаю нашу старенькую стереосистему, издающую статическое потрескивание вперемежку с песнями форро⁴, наполненными меланхоличными звуками аккордеона. Пытаюсь ощутить острый аромат фарша, тушащегося в глиняном горшочке, готового превратиться в начинку для коксиньи⁵. И все, что я нахожу, это... ничего. Лишь ощущение, что ты чужая в собственном доме, и от этого кружится голова, становится больно и очень, очень одиноко.

— Сегодня вечером мы снова открываемся, — объявляет мама. — Твоя бабушка, пока могла, работала каждый день.

---

¹ Боло де фуба (*португ.* bolo de fubá) — один из самых известных пирогов бразильской кухни, бисквитный кукурузный пирог.

² Киби (*португ.* quibe) — бразильский вариант фрикаделек.

³ Болиньос (*португ.* bolinhos) — жареные картофельные шарики с начинкой из мяса, рыбы или сыра, популярная бразильская закуска.

⁴ Форро (*португ.* fôrró) — бразильская народная танцевальная музыка, а также музыкальный жанр.

⁵ Коксинья (*португ.* coxinha) — народное бразильское блюдо из курицы: обжаренное в масле тесто на курином бульоне с начинкой из куриного фарша, иногда — с добавлением сыра.

Она все так же смотрит на рецепт.

— Я думаю, тебе нужно отдохнуть, — говорю я.

Я все мечтала и мечтала о том дне, когда мы снова откроемся. Но мама не спала целую вечность, и за последний месяц темные круги у нее под глазами стали глубже.

— Я тебя повсюду искала, — наконец говорит она, имея в виду мое исчезновение. — На церемонии.

У нее чуть хриловатый голос, и в нем столько разочарования, что чувство вины пронзает мою грудь, словно ножом.

Я должна извиниться, и я *хочу* извиниться, но как мне сказать ей, что увидеть бабушку в гробу было больнее всего на свете? Что я с трудом узнала человека, которого любила — *люблю* — больше всего? Мой мозг продолжал твердить: да, это она. Она уютно устроилась на ложе в окружении подсолнухов, так что это она. Это ее любимые цветы, так что это — она. Но мое сердце продолжало кричать: *это не бабушка. Это не может быть бабушка.* И прежде чем я осознала это, я ушла. Просто развернулась и ушла. Вышла за ворота кладбища и продолжила путь, запрыгнув в первый же идущий в сторону дома автобус.

Как мне сказать ей это?

Я не могу.

Так что между нами просто... тишина.

Мама больше не спрашивает. Она поворачивается и направляется на кухню, оставляя меня одну в пекарне.

Мне хочется взбежать наверх и запереться в своей спальне. Мне нужно переодеться в черное. Я поехала на кладбище прямо из школы, и у меня не было времени переодеться. Футболка в красно-белую полоску и спортивные штаны кажутся неправильными. Слишком жизнерадостными.

Но, если честно, если я уйду, то вниз уже не спущусь. Хватит с меня побегов на сегодня.

Вместо этого я беру со стойки табуретки и расставляю их, чтобы отвлечься. Когда я заканчиваю подготавливать «Соль» для покупателей, мама уже вовсю орудует на кухне.

До меня доносятся первые нотки запаха карамелизованного лука, обжаренного с чесноком и молотым тмином. В любой другой день они были бы просто божественны. Но сегодня вечером они приносят только еще больше душевной боли. Колокольчики над дверью «Соли» звенят, пугая меня. Я поворачиваюсь и вижу, как внутрь просовывают головы соседи. Всего на мгновение мне удается вообразить, что их привлек запах бабушкиной стряпни. В любую минуту из кухни выйдет бабушка и поприветствует их, и весь этот день — *весь год* — обернется просто чертовым страшным сном.

Но у соседей скорбные лица, и они выражают соболезнования. Как бы я ни старалась, я не знаю, что говорить в ответ. Я чувствую, как меня тянут во все стороны, мои нервы на пределе, и тут из кухни выходит мама и спасает меня.

— Иди садись. Ужин скоро будет готов, — шепчет она мне. Она собрала волосы в тугий пучок — ее стиль «готова к работе».

Мама пожимает руки, раскрывает объятия и говорит ободряющие слова. Больно видеть, как люди загипнотизированы ею, как будто ищут глаза бабушки, когда смотрят ей в глаза, проверяя, того ли они карего оттенка. Приходят и самые близкие бабушкины друзья. Донья Клара. Сеу Флориано. При виде распахнутых дверей «Соли» они раздражаются слезами, и мама тут же принимается их утешать.

Я беспокоюсь, что это слишком тяжело для нее. Но я словно парализована. Я не знаю, как быть рядом с кем-то, когда сама чувствую себя брошенной на произвол судьбы. Собрание в «Соли» превращается в поминки, люди делят-

ся историями и счастливыми воспоминаниями, например, когда бабушка залезла на дерево, чтобы снять воздушного змея, и сама там застряла. Некоторые просто серьезно слушают, медленно потягивая *café com leite*¹, потому что иногда, когда слишком трудно говорить, проще просто есть и пить.

Через некоторое время по кругу разносят тарелки с масляным кускусом, вяленой говядиной с карамелизованным луком и уложенными вокруг обжаренными ломтиками хрустящего сыра коальо². И мне мама тоже приносит тарелку.

— Ешь, — велит она, прежде чем проскользнуть обратно на кухню.

Но, несмотря на восхитительный пикантный запах, мне кусок в горло не лезет.

Над дверью снова звенят колокольчики. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как внутрь пробирается донья Сельма. Лучшая бабушкина подруга, которая для меня как бабушка и для мамы как вторая мама. Когда я вижу ее в этой черной одежде вместо обычных ярких, праздничных цветов, все кажется мне более... реальным. Когда донья Сельма замечает меня, я, должно быть, выгляжу такой же потерянной, какой себя чувствую, потому что она идет прямо ко мне, расталкивая людей, пытающихся с ней заговорить. Она заключает меня в крепкие объятия. *Мне больше никогда не обнять бабушку.* Боль бьет по ребрам, как удар током.

---

¹ *Café com leite* — кофе с молоком (*португ.*).

² Сыр коальо (*португ. queijo coalho*) — разновидность твердого, но очень легкого сычужного сыра с почти «скрипучей» текстурой при надкусывании, производимая на северо-востоке Бразилии. Популярная закуска к домашним рецептам чурраско (говядины). Также этот сыр часто жарят, приправляя соусом со вкусом орегано или чеснока.

— Лари, мне нужно, чтобы ты помнила одну вещь, — говорит она мне на ухо. — Тебя любят. И ты не одинока. Ты не одинока. Понимаешь?

Ее темно-карие глаза изучают мое лицо. Я пытаюсь улыбнуться, чтобы показать, что ей не нужно беспокоиться, хотя понимаю, что донья Сельма не ждет от меня храбрости. Но потом она начинает плакать, и мне становится труднее сдерживать собственные слезы.

Она еще раз обнимает меня. Отступает назад и окидывает комнату беспокойным взглядом, как будто кого-то ищет.

— Кажется, мама на кухне, — говорю я, предполагая, что донья Сельма ищет ее.

— Я хочу, чтобы вы с Элиси лучше заботились о себе. — Даже то, как она произносит мамино имя, напоминает мне о бабушке. Тот же выговор. Э-лии-сии. — Почему вы открыли «Соль» этим вечером?

— Мама так решила.

Донья Сельма наконец замечает в толпе маму.

— Пойду проведу ее, — говорит она, перед уходом успокаивающе сжимая мое плечо.

Ко мне подходит Изабель, помощница доньи Клары на рынке.

— Кажется, там что-то горит, — говорит она.

У Изабель часто пригорает растительное масло для приготовления паштетов во фритюре, поэтому она стала чем-то вроде ходячего детектора дыма.

Ощувив в воздухе слабый запах горелого, я морщусь нос.

В другом конце комнаты мама все еще беседует с доньей Сельмой. Я должна пойти и сказать ей о подгоревшей еде, но я не хочу прерывать их разговор. Я знаю, что маме нужны слова доньи Сельмы так же сильно, как минуту назад мне нужны были ее объятия.

– Твоя мама жарила яйца? – нервно уточняет Изабель. – Тебе лучше поторопиться.

– Мне?

Я ощущаю приступ страха. Мама никогда не разрешает мне готовить.

– Да, тебе. Ты ведь не хочешь, чтобы кухня сгорела дотла?

Я уже разочаровала маму сегодня на похоронах, и я не могу просто сидеть без дела, когда горит еда. Но в тот момент, когда я переступаю порог кухни, мое сердце начинает биться еще быстрее.

Зайти в «Соль» было тяжело. Но войти на кухню «Соли», зная, что за стойкой не будет бабушки, еще больнее. Кажется, что стены из красного кирпича сдвигаются. На плите стоит сковорода, содержимое – яичница-болтунья с помидорами и кинзой? – уже прилипает к сковороде с сердитым шипением. Вверх устремляются клубы дыма, затуманивая пространство возле плиты.

Я пытаюсь распахнуть запотевшее стеклянное окно на задней стене, но его заклинило. Лихорадочно оглядываюсь в поисках ложки, чтобы спасти мамину стряпню, но их так много. Деревянные, металлические, пластиковые ложки всех размеров. Какую из них нужно использовать? Я чувствую, как в ушах отдаются удары сердца.

Я хватаю ближайшую ложку. Металлическую. И начинаю как умею скрести дно сковороды, но не уверена, что делаю это правильно.

Жар от плиты просачивается сквозь одежду. Запахи окружают меня со всех сторон, как сеть: орегано, черный перец и сыр с соседней сковороды и пикантный запах сладкого картофеля, кипящего в кастрюле сзади.

Это волнует.

Восхитительно волнует.